

Еще долго звучали восторженные крики толпы. Стоящие на сцене двое мечников в масках мастерски владели боевыми искусствами, так же, как и копейщик являлся подлинным экспертом. Самые интересные поединки проходили между экспертами, где те могли выложиться на полную и продемонстрировать все свои навыки. Это позволяло испытать удовольствие тем, кто сражался, а заодно приводило в восторг тех, кто наблюдал за сражением. Однако мгновенно завершившийся бой не приносил радости ни тем, ни другим. Даже если от этого захватывало дух, удовлетворения они не испытывали.

Возможность победить противника за один обмен ударами появлялась только тогда, когда силы соперников находились на совершенно разных уровнях. При этом порой даже бой между истинным экспертом и неоперившимся юнцом не мог завершиться одним ударом.

Наблюдавшие за этим поединком люди поголовно являлись практиками боевых искусств, которые пришли сюда, чтобы принять участие в конференции Улинь. Наблюдая за битвами на арене, большинство из них старались понять, как справиться с теми или иными приемами возможных соперников. Многие из них понимали, что не являются достойными противниками для Хань Чаншэна или того копейщика, не говоря уже о том, чтобы справиться с ними за пару обменов ударами.

Некоторые посчитали, что в сражении с копейщиком Хань Чаншэн победил благодаря счастливой случайности, просто ученик с копьем выступил не особенно хорошо. В конце концов, приемы Хань Чаншэна были такими простыми... Тогда как навыки несравненных мастеров, как правило, разгадать было очень непросто. Но, когда Хань Чаншэн победил Ань Юаня, было бы недостаточно описать это простыми словами, вроде "красиво" или "великолепно". Он словно опирался на воздух, когда великолепным разворотом уклонился от атаки Ань Юаня и приставил острие своего меча в аккурат к груди противника. Даже те, кто не моргая пристально наблюдал за сражением, не знали, как это получилось. Да ладно, даже сам Хань Чаншэн не знал, что произошло. Никто не стал бы думать о чудесах, поэтому их единственное объяснение заключалось в том, что Хань Чаншэн - истинный мастер!!! Самый настоящий мастер!!!

Юй Юэ'эр громко сглотнула и крепко стиснула руку Лю Сяоци.

- Что только что произошло? - дрожащим голосом спросила она.

Изумленный Лю Сяоци только покачал головой.

- Этот мужчина слишком потрясающий, - сказала Юй Юэ'эр. - Он сильнее нашего да шисюна?

Лю Сяоци пошевелил губами, но так ни слова и не произнес.

С другой стороны Лу Вэньлинь взволнованно соскочил с лошади.

- Детка, этот ребенок в самом деле битый товар?! Я хочу встретиться с ним! - прокричал он,

собираясь рвануть на арену.

Но слуга его удержал:

- Молодой господин, вы сможете его победить?

Нахмурившийся Лу Вэньлинь погрузился в раздумья. Он должен был признать, что понятия не имел, как Хань Чаншэну удалось победить. Он повидал множество мастеров, большая часть которых не могла его превзойти, но были и те, кому это удавалось. Но, по крайней мере, он всегда мог сказать, в чем противник превосходил его и что ему самому стоит улучшить, чтобы справиться с ним. Вот только он не смог раскусить тактику Хань Чаншэна, а это означало, что ему не удастся избежать подобной атаки. Таким образом, выходило, что Хань Чаншэн опережал его куда больше, чем на одно-два очка, а значит, когда они раньше сражались, Хань Чаншэн явно не пытался драться в полную силу.

Хотя Лу Вэньлинь и был помешан на боевых искусствах, он не стал бы хвастаться на пустом месте. Молодой человек покачал головой:

- Скорей всего, не смогу.

Слуга обнял его за бедро, изо всех сил стараясь его удержать:

- Молодой господин, вы не можете с ним сразиться. Что будет, если вы проиграете?

Лу Вэньлинь был сыном главы альянса Улинь и редко вступал с кем-либо в сражение. Для любого его противника уже было честью оказаться среди избранных, с которыми решил скрестить оружие сам Лу Вэньлинь. Он не мог побеждать каждого своего противника. В конце концов, по сравнению с большинством талантливых бойцов в Цзянху он был еще слишком юн. Даже если Лу Вэньлинь считался экспертом, он не был непобедим. Поэтому, проиграв он какому-нибудь знаменитому мастеру, все бы только посмеялись над ним, поскольку это было бы в порядке вещей. Лу Вэньлинь со временем все лучше и лучше владел боевыми искусствами, нельзя было сказать наверняка, кто из них выиграет, а кто проиграет пару лет спустя.

Однако стоящий на арене молодой человек явно был не старше самого Лу Вэньлиня, при этом он не был знаменит. До начала конференции Улинь на арену, как правило, выходили лишь никому не известные люди, пытающиеся привлечь к себе побольше внимания. Проще говоря, для кого-то, обладающего статусом Лу Вэньлиня, выйти на эту арену было ниже его достоинства.

К тому же он сам признал, как высока вероятность, что ему не удастся победить человека, стоящего на арене. Если он при всем честном народе проиграет ему за один обмен ударами, то станет лишь ступенькой на пути к славе противника. После такого в будущем ему сложно будет претендовать на то, чтобы унаследовать должность отца.

- Глупости! - возразил Лу Вэньлинь. - Если проиграю, то проиграю. Я должен померяться силами с ним.

Его слуга разрыдался так, словно плакал перед отцом с матерью, и вцепился в бедро Лу Вэньлиня:

- Нет, молодой господин, вам нельзя выходить на арену!

Потерявший терпение Лу Вэньлинь собирался пинком отбросить его в сторонку, когда слуга пригрозил:

- Если вы посмеете подняться на арену, я обо всем расскажу главе! Тогда после официального начала конференции господин больше не позволит вам появиться на арене!

Лу Вэньлинь немного заколебался. Изначально Лу Хунхуа позволил ему посоревноваться с героями Цзянху на конференции боевых искусств. Он так давно этого ждал. Если ему запретят выходить на арену, для него это будет весьма затруднительно.

Затем слуга предложил:

- Если уж вам так хочется с ним сразиться, разве обязательно выходить на арену? Сколько людей мечтают о возможности померяться силами с молодым господином? Когда он уйдет с арены, молодой господин сможет найти его. Наедине вы сможете сразиться сколько угодно. К тому же на арене существует множество правил, ограничивающих противников, молодому господину будет не в радость такое сражение.

Лу Вэньлиня тронули его слова и, еще немного поколебавшись, он все же направился прочь.

Стоящий на арене Хань Чаншэн не решался взглянуть в лицо Ань Юаню. Изначально он собирался позволить Ань Юаню победить снискавшего славу противника, чтобы с этих пор каждый видел в нем настоящего мастера. Но, когда дошло до дела, главный герой представления совершил роковую ошибку. Вместо того чтобы проиграть, он в мгновение ока победил Ань Юаня.

Он хотел проложить ему путь к величию, желал прославить его. Он специально не стал полностью закрывать Ань Юаню лицо, чтобы, когда придет время, попросить его снять маску - и тогда он потрясет весь мир боевых искусств.

А в итоге вышло так, что он поднял камень, но уронил его себе же на ногу. Теперь у него даже не было возможности поменять местами себя с Ань Юанем. Что подумает о нем Ань Юань? Он нарочно позвал его на арену, только чтобы заставить проиграть столь известной персоне. Разве после такого все его труды по завоеванию доверия Ань Юаня не пропадут даром? Собака-лорд, должно быть, возненавидел его!

Неожиданно Ань Юань сам к нему подошел, вот только в его ясном взоре не было и намека на ненависть. Напротив, он остался очень доволен уроком, который преподал ему Хань Чаншэн:

- Благодарю за указания.

Хань Чаншэн с видом дохлой рыбы обернулся и посмотрел на него. Серьезно? В глубине души собака-лорд, должно быть, хотел его придушить!

На самом деле в сердце Ань Юаня не было ни малейшей обиды. Он даже не подозревал о том, что творится в голове Хань Чаншэна. Он совсем не думал о том, чтобы снискать себе славу на этой арене. Прием Хань Чаншэна потряс его, и он просто не мог дожидаться, когда они уже покинут арену, и он сможет научиться такому движению.

Владелец арены взволнованно прокричал:

- Есть еще кто-нибудь, желающий бросить вызов? - он уже много лет был судьей на арене, но впервые видел, как происходит подобное. Однако одержать две победы было еще недостаточно. Если сможет в том же духе выиграть еще несколько боев, вот тогда ему наверняка удастся потрясти весь Цзянху. Он боялся, что даже после официального начала конференции Улинь не произойдет ничего, способного затмить это событие!

Хотя среди зрителей царило шумное оживление, больше никто не решался выйти на арену. Не имеет значения, если ты проиграешь, но никто не смог бы вынести унижения после такого позорного поражения.

- Нет, я неважно себя чувствую, - сказал Хань Чаншэн. - Давайте на этом закончим.

Владелец арены сильно расстроился. С самого открытия неофициальной арены двое мечников в масках не желали проводить много боев, сражаясь не больше двух-трех раз в день. Сколько бы людей ни пытались бросить им вызов, они просто отказывались. Но, если он хотел уйти, то владелец не смог бы его остановить. Какая жалость, что эту легенду нельзя будет сделать еще более великолепной.

Когда Хань Чаншэн и Ань Юань спустились с арены, путь им преградила восторженная толпа. Многие люди из увидевших это потрясающее представление желали наладить хорошие отношения с двумя мечниками в масках и расспросить их о прошлом. Хань Чаншэн и Ань Юань просто не могли сдвинуться с места.

Стоящий в стороне от толпы Лю Сяоци вытянул шею, пытаясь их разглядеть.

Находящаяся рядом с ним Юэ Юй'эр тихонько пробормотала:

- Тот парень - наш эр шисюн? Если так и есть, то это настоящий позор для нашей секты Юэхуа.

А ведь мой отец продолжает настаивать на нашей помолвке, - немного помолчав, она добавила:
- Я не сделаю этого, даже если он забьет меня до смерти.

Пребывавший в задумчивости Лю Сяоци повернулся к ней и сказал:

- Давай вернемся. Если глава секты не сможет нас отыскать, он начнет волноваться.

Расположившийся на дереве молодой человек рассмеялся, а затем спрыгнул на землю и растворился в толпе.

Хань Чаншэн и Ань Юань с легкостью протиснулись через толпу, а затем поспешили воспользоваться цингуном, чтобы стряхнуть с себя преследующих их людей. Они чувствовали себя настолько уставшими, словно провели сотню боев. Затем они, запыхавшись, вернулись обратно в гостиницу.

Как только они оказались в своей комнате, Хань Чаншэн тут же попробовал все объяснить Ань Юаню:

- Хороший ученик, не сердись, я...

- Я не сержусь, почему ты вообще так подумал? - перебил его Ань Юань. - Я просто удивился, сколько еще ты утаил от меня? Стоило мне подумать, что я вот-вот начну видеть тебя насквозь, как выясняется, что в действительности я от этого еще очень далек, - сказал он. - Только что на арене ты использовал прием, которого я еще ни разу не видел. Ты можешь меня ему научить?

- Я... я и сам не знаю, как это у меня получилось, - сказал Хань Чаншэн. - Я словно был чем-то одержим.

Ань Юань одарил его долгим и пристальным взглядом, а затем произнес:

- Все в порядке, если ты не хочешь этого делать. Держать некоторые приемы в секрете вполне разумно.

В глубине души Хань Чаншэн проливал кровавые слезы. "Небеса, что за бессмертный играет со мной?!" Ах, ему было так тяжело, даже если он прыгнет в Желтую реку, то не сможет отмыться!

Хань Чаншэн заставил себя устремить на Ань Юаня наполненный нежностью взгляд, стараясь выглядеть как можно более искренним:

- Все, что у меня есть, и все, что в моих силах, я готов отдать и сделать для тебя, только сейчас... сейчас... я действительно...

Ошеломленный Ань Юань внезапно сказал:

- Этому приему тебя научил твой плохой брат?.. Я все понимаю. Тебе не нужно ничего говорить, я понимаю, в каком затруднительном положении ты оказался.

Хань Чаншэн понятия не имел, что творилось в голове Ань Юаня. И все же, с учетом сказанного, продолжить этот разговор было бы нелегко. Он ведь и сам не знал, как это объяснить. И раз уж Ань Юань сказал, что все понимает, неважно, что он там понимал, ему оставалось лишь позволить парню и дальше все так понимать.

Хань Чаншэн посмотрел на Ань Юаня, а тот - на Хань Чаншэна. Внезапно ощутивший легкое волнение Хань Чаншэн отвел взгляд.

На протяжении последних шести месяцев он с помощью душевного и искреннего отношения старался завоевать доверие и обмануть Ань Юаня. Порой, когда он не знал, что ему стоит сказать или сделать, он просто нежно брал этого парня за руку и ласково смотрел на него, из-за чего Ань Юань в панике отводил взгляд, и неловкая ситуация временно разрешалась. Однако, неизвестно почему, но в последние дни Ань Юань становился все более и более проницательным, больше не поддаваясь на такие уловки.

Когда он пристально смотрел на Ань Юаня, сам Ань Юань тоже пристально смотрел на него. При этом глаза Ань Юаня были настолько глубоки и прекрасны, что казалось, будто они способны затягивать и поглощать души людей. Спустя какое-то время он начинал испытывать волнение. Не зная, что с ним происходит, он невольно опускал взгляд, а его обычно бойкий язык становился как деревянный, да он и сам понятия не имел, что сказать.

С сухой улыбкой отпустив Ань Юаня, Хань Чаншэн произнес:

- Ты... хорошо, что ты понимаешь.

Ань Юань вздохнул.

В этот день Хань Чаншэн больше не решился выйти на улицу. Очень быстро стемнело, и Ань Юань, как всегда, использовал свою силу, чтобы успокоить внутреннюю энергию Хань Чаншэна.

После их прихода на гору Куньлунь Ань Юань ежедневно помогал Хань Чаншэну с циркуляцией его внутреннего Ци. Он помогал Хань Чаншэну успокоить его разгулявшуюся внутреннюю энергию и убеждался, что тот не впадет в отклонение Ци после их упражнений на арене, что же касается покорения внутренней силы - не было никакого прогресса. В глубине души Хань Чаншэн понимал, что если бы Ань Юань продолжал использовать свою технику, то он бы уже давно полностью поглотил эту силу, но тот этого не желал.

Они уже не так, как прежде, уставали по окончании медитации, но Хань Чаншэн все равно плюхнулся на кровать и остался с закрытыми глазами лежать на ней. На самом деле он не спал, ему просто хотелось привести свои смешавшиеся мысли в порядок. Его план полностью провалился. Он понятия не имел, что ему делать дальше и как быть с Ань Юанем. В действительности, проиграв Ань Юань на арене только ему и никому другому, в этом не было бы ничего страшного. В соревнованиях по боевым искусствам всегда случались как победы, так и поражения. Иногда то, победил ты или проиграл, вовсе не отражало твоего уровня владения боевыми искусствами - это зависело от условий конкретного боя и даже удачи. При использовании верной тактики даже люди с высоким уровнем навыков могли проиграть какому-нибудь новичку.

Однако то, что человек оказался побежден одним лишь приемом, показывающим подавляющее превосходство его противника, никак нельзя было объяснить. Он не только допустил, чтобы Ань Юань проиграл, но и заставил его проиграть самым отвратительным образом. Отныне, стоит людям заговорить об Ань Юане, они будут вспоминать, как того победили на арене всего за один обмен ударами, и неважно, кто был его противником. Он не только не помог Ань Юаню заложить фундамент для дальнейшего роста его популярности, но и поставил огромный камень преткновения у него на пути.

Хань Чаншэн погрузился в размышления, когда внезапно почувствовал на лице теплое дыхание. К нему приблизился Ань Юань.

Ань Юань не знал, что Хань Чаншэн только притворяется спящим. Хань Чаншэн не осмеливался открыть глаза, но, судя по дыханию, Ань Юань находился совсем близко к нему. Он боялся, что их лица настолько сблизились друг с другом, будто... вот-вот начнут целоваться.

Возле уха Хань Чаншэна прозвучал низкий голос Ань Юаня:

- Мне всегда кажется, что ты недостаточно честен и искренен по отношению ко мне. Но сегодня, когда я сражался с тобой, то подумал, что, возможно... первым должен стать по отношению к тебе более искренним.

Хань Чаншэн сильно разнервничался. Он не знал, заметил ли Ань Юань, что он не спит, и сказал все это намеренно или же просто пробормотал себе под нос, считая, что он заснул. Он понятия не имел, как воспринимать слова Ань Юаня, поэтому предпочел и дальше притворяться спящим.

Затем Хань Чаншэн услышал, как Ань Юань снова выдохнул ему в ухо:

- Но... мне тоже страшно.

Какое-то время спустя Ань Юань отстранился от Хань Чаншэна и вскоре заснул.

Неизвестно, сколько времени пролежал Хань Чаншэн, но сон к нему так и не шел. В полном

расстройстве он, оттолкнувшись руками, легко вскочил на ноги, после чего натянул верхнюю одежду и вышел на улицу, чтобы подышать свежим воздухом.

Выйдя из гостиницы, Хань Чаншэн увидел, что в тени возле двери кто-то стоит.

Он осторожно подкрался к нему и в свете луны смог разглядеть этого человека. Хань Чаншэн невольно удивился:

- Сяоци?

Лю Сяоци испытал потрясение. Он совершенно не ожидал, что Хань Чаншэн посреди ночи отправится на прогулку, но вскоре успокоился и прошептал:

- Да шисюн? - немного помолчав, он робко спросил: - Или ты не да шисюн и не Ли Цзюлун? Тогда... как мне тебя называть?

Минутка переводчика:

Неизвестно, сколько времени пролежал Хань Чаншэн, но сон к нему так и не шел. В полном расстройстве он, оттолкнувшись руками, легко вскочил на ноги, после чего натянул верхнюю одежду и вышел на улицу, чтобы подышать свежим воздухом.

Но даже когда прохлада ночи ударила ему в лицо, главе секты не удалось полностью успокоить трепет, мучивший его сердце. Что это было? Да, когда Ань Юань начал низким голосом нашептывать ему на ухо, здоровому молодому человеку стало сложно сдержать свое тело от инстинктивной реакции. Но он уже привык испытывать эту тянущую негу в нижней части своего тела и даже находил во всем этом какое-то странное удовольствие, словно кот, оказавшийся перед открытой крынкой со сливками и, довольно щурясь, принимающий к ней в предвкушении момента, когда залезет туда своей лапой.

Эти реакции стали частью его повседневной жизни и в них не было ничего нового. Но откуда тогда взялась это ноющая тоска в сердце, придававшая новый оттенок его желанию? Нет, это явно началось не сегодня. Наверное, с того самого раза, как Ань Юань впервые не отвел с сторону свои прекрасные персиковые глаза. С этого самого момента они и начали медленно затягивать его в свою пучину, проникать в самую глубину души и повсюду оставлять следы своего пребывания в его сердце. И эта сладостная мука по-настоящему пугала его.

На замену откровенной зависти красоте Ань Юаня пришло чувство гордости и восхищения. Ладно, зависть осталась. Но ему больше не хотелось уничтожить это прекрасное творение бесовских бессмертных, скорее хотелось забрать его себе, завладеть им... полностью овладеть...

Тут Хань Чаншэн заметил, что в тени возле двери гостиницы кто-то стоит. Отбросив в сторону явно не свойственные ему раздумья, он хитро ухмыльнулся и осторожно покрался в ту сторону.

<http://bllate.org/book/14818/1320207>